

Глава XXXI

У МЕНЯ НЕТ РАСПОРЯЖЕНИЙ НА СЧЕТ ТЕБЯ

– Тревога!!! Огненные братья!!! Тревога!!!

Население общины Велеса беспорядочно носилось взад-вперед. К самодельным стенам из строительного хлама и дерева стягивались вооруженные люди. Шум дизельных моторов приближающихся грузовиков становился все четче. Раздались хлопки первых выстрелов и воздух пронзили вопли раненых.

– Стойте! Стойте! Велес спасет нас! Бог с нами, он не даст своих детей в обиду! – надрывно орал глава общины, маленький и тощий властолюбивый мужичок.

Бог, может быть, и спас бы общину, в которой Самурай был рабом, но против их бога войной пришел другой бог. Военный грузовик проломил хлипкое ограждение, подминая под свои колеса все, что встретилось ему на пути. Маленькая девочка скрылась под обломками рухнувшего забора, словно травинка под солдатским сапогом.

Шон отточенными движениями водил шлифовальным камнем по своей катане. Кожаный плащ из грубой, потрескавшейся, плохо выделанной кожи слегка похрустывал при каждом его движении. Он поднял меч и осмотрел наличие на режущей кромке зазубрин, большим пальцем оценил остроту. От нахлынувших воспоминаний об общине Велеса Самурай вздрогнул всем телом. Острый металл впился в плоть, оставляя глубокую рану. Словно ничего не произошло, он вновь взял точильный камень. Вжик-вжик. Кровь текла по пальцам, попадая на меч. Рука судорожно затряслась, брусок упал на пол, а Шон с трудом сжал кулак, чтобы хоть как-то справиться с нервами. Несколько раз сжал и разжал пальцы. Глубокий вдох и выдох. Меч отточенным движением отправился за спину в ножны. Самурай вытащил из кармана промасленный оружейным маслом лоскут и аккуратно положил перед собой. Облизал порезанный палец, сплюнул в сторону кровавую жижу и приступил к чистке пистолета.

Раньше он был другим человеком, у него была семья. Сейчас все мертвы. Они выживали небольшой группой. Отец Шона был хороший охотник и следопыт, поэтому им так долго удавалось оставаться в живых. Но

в новом мире можно выжить только одним способом – стать хищником самому. Отец обучил Шона так хорошо, что тот стал лучшим разведчиком генерала Луция. Он убивал, пытались убить и его. Шон видел много смертей, но лишь одна не давала ему покоя до сих пор, когда черные колеса подмяли под себя маленькое тельце девочки. Рука вновь предательски затряслась. Но он в очередной раз справился и загнал мысли поглубже. Когда ни о чем не думаешь, жить легче.

За железной дверью послышалась возня. Самурай вставил обойму в пистолет и приоткрыл глазок камеры. Катя держала в руках самодельную куклу и что-то шептала ей. Самурай прикрыл глаза и уперся лбом в холодный шершавый металл. За что ему это? Он привык ходить в разведку, а не охранять пленных. Да было бы кого охранять. Девчонку. Что она может сделать? Он дернул засов и открыл дверь.

– Есть хочешь?

– Угу, – тихо протянула пленница.

– Держи, – он залез во внутренний карман и достал начатую спайку солдатских галет.

Катя с опаской пошла к нему, прижимая одной рукой куклу к груди, схватила сухари и быстро кинулась обратно в свой угол.

– Спасибо.

Самурай только кивнул головой и закрыл дверь. Еще не хватало привязаться к этому ребенку. Это не ребенок, это пленный.

По ступеням спустились гвардейцы, весело о чем-то споря и смеясь. Особый отряд с нашитыми крест-накрест красными лентами на груди и спине. Палачи. Они остановились, увидев Самурая. Странно, но с ними должен быть проповедник. Эти ребята просто так не приходят. Убийство должно быть праведным. Как же иначе. Нужно чтобы перед смертью несчастный все же принял их веру и отправился в свой последний млечный путь.

– В чем проблема?

– Приказано пленных в расход. Генерал собирается выступить против Князя. Оставлять балласт внутри стен города опасно, да и кормить их ни к чему. Так что... – старший из гвардейцев с длинным кинжалом на поясе развел руками.

– Чего стоим? – спросил подошедший проповедник, брат Степан. Долговязый, лысый, с вытянутым лицом и темными кругами под глазами служитель истиной веры. Голос низкий и противный, больше походивший на женский, чем на мужской.

Самурай ненавидел проповедников. Особенно этого. Степан отвечал за казни внутри Нового Рима под видом очищения душ неверных. Взять бы его сейчас за глотку и приставить к лысой башке пистолет. Посмотрел бы он, как этот верующий захочет отправиться в свой млечный путь.

– Ну-у-у, – протянул служитель в красном балахоне. – Чего застыли, дети мои? Дел много. Давайте начнем.

Гвардейцы стали открывать камеры и вытаскивать из них пленников. Те молча выходили наружу, шурились от света, озирались по сторонам. Шон смотрел на это без эмоций. Ему не было их жалко, не было противно. Он просто наблюдал за происходящим. Несчастных выстроили в колонну. В камере осталась только Катя.

– Выводите последнего, – ловко скомандовал долговязый, и палачи беспрекословно направились в сторону Самурая. Шон медленно оторвал свою спину от бетонной стены, так же не спеша подошел к стальной обшарпанной двери и уперся в нее левой рукой.

– Открывай!

– Нет, – отрезал Самурай.

Гвардейцы обернулись к Степану, повисла пауза.

– Что ты себе позволяешь?! – красный балахон вздрогнул от гнева и направился к Шону быстрыми шагами.

– Я сказал, нет.

– Ты отступаешь от веры! Знаешь, что за это бывает?! Хочешь гореть в пламени?! Хочешь, чтобы огонь очистил твои грязные деяния и помыслы?!

– Моя вера – это приказ генерала. Он приказал охранять девчонку. Других распоряжений я от него не получал.

– А мне приказано очистить неверных! – проорал Степан так, что лысая голова покрылась бурыми пятнами.

– Кем приказано?

– Я не буду обсуждать это с тобой!

– Тогда я горою нет, – правая рука Шона легла на рукоять пистолета.

Гвардейцы сделали шаг назад и тоже схватились за оружие.

– Значит, так? – Степан подошел почти вплотную к Самураю.

– Я повторяю. Я исполняю приказы генерала Луция, – почти по буквам проговорил Шон.

Обстановка накалилась до предела. Гвардейцы передернули затворы на своем оружии. Самурай выхватил пистолет и прислонил дуло ко лбу священника. Тот задрал немощно руки кверху.

– Шон, отставить! Что происходит?! – проорал Сергей, неизвестно откуда появившийся.

За ним грациозно проследовала Татьяна, облокотилась одним плечом о стену и, скрестив руки на груди, стала наблюдать за происходящим.

– Стволы опустите! Живо! – ударяя рукой по оружию гвардейцев орал офицер. – И ты, Шон. Тебя это тоже касается!

– Он отступник! Его нужно придать суду, – дрожащим голосом вымолвил священник, смотря, как от его лица отдаляется дуло пистолета.

– В чем проблема?

– Они хотят забрать девчонку, – убирая оружие в кобуру, отрапортовал Самурай.

– И-и-и?

– Я не получал приказа от генерала.

Сергей резко обернулся и посмотрел на невинно улыбнувшуюся Татьяну.

– Кто отдал приказ по пленным?

Степан кивнул головой в сторону девушки.

– Ясно. Забирайте тех, кого вывели.

– Нам нужны все.

– Я что, не ясно выразился?! Забирайте этих, – он указал рукой на пленников, – и убирайтесь!

Гвардейцы повели заключенных наверх. Священник долго фыркал, что-то бормотал недовольно себе под нос, но затем пошел вслед за палачами.

– С огнем играешь, Шон. Смотри.

– Я всего лишь исполняю приказ.

– Ну-ну, – офицер развернулся и проследовал за гвардейцами.

Татьяна еще какое-то время смотрела на Самурая, затем подмигнула ему и тоже ушла.

Колонну людей вывели на улицу, выстроили в ряд. Палачи завязали глаза несчастным черными лентами. Проповедник затынул нравоучение про истинную веру, про млечный путь, про великого учителя Александра и его последователей. Сергей стоял, опустив голову, поправляя на руках перчатки.

– Надо же, тебя остановил какой-то китаец, – съязвила Татьяна.

– Он не китаец, – повернулся к ней Сергей.

– Да какая разница? Почему девчонка не среди этих? – она кивнула головой на смертников.

– Потому что я не могу просто так взять и убить лучшего разведчика Черного легиона. С меня генерал шкуру спустит. Ты это можешь понять?

– Ой, да ладно, – она, было, хотела его приобнять, но он отстранился.

– Ты что творишь? Если кто узнает?

– Скоро генерал перестанет быть помехой. Ты помнишь, что ты должен будешь сделать?

– Помню.

– Хорошо. Ты что-то слишком напряжен.

– Напряжен? – он склонился к ее уху. – Следующий раз предупреждай меня о своих планах. Мы ходим по лезвию. Это тебе ясно?

– Я думала, они просто грохнут этого узкоглазого, а вину можно было бы свалить на того же самого проповедника Степана. Кто ему поверит, что он руководствовался моим приказом?

– Не пойму, зачем тебе сдалась эта девчонка? Неужели ее смерть так важна для тебя?

– Сергей, Сергей. Мой малыш. Чтобы создать что-то новое, нужно разрушить все старое. Эта девчонка жила вместе с тем, кто может сорвать все наши планы. Знаешь, почему пала великая Римская империя?

– Какая империя? – офицер нахмурил брови.

– Была раньше такая. Давным-давно. Но это неважно теперь. А важно то, что ее сгубила вера. Вера в мнимого спасителя людей. После казни, его учения расплозились по миру словно зараза. Я не допущу вновь той ошибки,

которую допустил Александр. Я уничтожу всех, кто хоть как-то связан с новым мессией. И эта девчонка должна умереть, во что бы то ни стало, так как она верит больше всех в этого Марса. Верит в то, что он придет и спасет ее. Представь себе, что она расскажет остальным, если это случится? Те припишут к его подвигу еще что-нибудь, и в итоге он станет для них богом. А двух богов на этой земле я не потерплю!

– Двух богов? О чем ты?

– У тебя есть имя?! – проорал проповедник, и одного из стоящих в строю пихнули вперед.

– Началось, – усмехнулась Татьяна. – Пойдем, не хочу смотреть на это. Кстати, этот Степан слишком много знает. И присмотри за этим узкоглазым. Я чувствую, что он привязался к этой девочке.

– С чего ты взяла?

– Ты уж поверь мне. Я многого лишилась, но не всего. С ним возможны проблемы, Сергей. Ты меня понимаешь?

Сергей взглянул на проповедника, сплюнул в сторону и последовал за девушкой.

– Вадим!

– Веруешь ли ты, Вадим, в истинную веру, в учителя нашего Александра и в млечный путь, который приведет человечество к спасению?

– Верую! Я верую!

– Хочешь, чтобы твоя душа освободилась от нечестивого гнета?

– Да, святой отец, хочу!

Степан взял его за ворот и потянул к себе, повел прочь от толпы в сторону, поставил на колени. За ними последовал старший из гвардейцев.

– Глупец! Они облапошат тебя! Их вера ничто! Бог один и нет кроме его веры больше никакой! – заорал кто-то из пленных. Мужчину быстро вывели из строя и запихали в стоящую неподалеку клетку. Но даже там он продолжал орать и поносить на чем свет стоит Огненных братьев вместе с их учениями. Его облили бензином и подожгли. Горящий какое-то время метался с истошными криками, ударяясь о железные прутья. Потом тело упало и затихло, а воздух наполнился тошнотворным запахом паленой плоти.

– Вот видишь, что бывает с неверными, – Степан погладил стоящего перед ним на коленях по голове. Снял повязку с глаз и указал в сторону дымящегося трупа.

– Я верую, верую! Истинно верую! – трясась всем телом, бормотал Вадим.

– Молодец. Я чувствую это.

Что-то звякнуло позади пленного, его глаза округлились, а острие кинжала выросло из его груди на пару сантиметров, прорезая одежду.

– Ты освобожден, сын мой. Ты теперь понесешься по млечному пути, чтобы возродиться чистым душою.

Палач рывком вытащил клинок, тело освобожденного завалилось лицом вперед. Священник вновь подошел к толпе.

– Хочет ли кто из вас покаяться и открыть душу для истинной веры?!

– Я! – вновь послышалось из толпы.

– Ты тут? – тихий детский голос с опаской послышался из камеры.

– Да, – Самурай сполз вниз по шершавой двери, усаживаясь на корточки.

– Что был за шум?

– Ничего страшного. Все нормально.

– Я слышала много голосов.

– Да. Приходили за пленными.

– Меня тоже заберут?

– Я не знаю. У меня нет распоряжений на счет тебя, – Шон размял шею до хруста, прикрыл глаза. – Пока нет.